

УДК 82-32

ПОЭТИКА РАССКАЗА А. ГРИНА «КРЫСОЛОВ»

© Сафрон Елена Александровна (2021), ORCID: 0000-0002-7752-3403, SPIN-код: 5771-1934, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33), 00inane@gmail.com

В статье представлен анализ рассказа А. С. Грина «Крысолов». Исследование выполнено с применением методов мотивного, сюжетного анализа. Научная новизна предлагаемой работы заключается в специфике самого подхода к произведению: поэтика рассказа анализируется в контексте его связи с городским фэнтези. Согласно гипотезе автора, особенности формы проявления фантастического дают возможность рассматривать «Крысолова» в качестве предвестника городского фэнтези. Выясняется, что хронотоп рассказа опирается на мотив двоимирия: заброшенное здание Центрального Банка в центре Петрограда является еще и местом обитания крыс-оборотней, которые мечтают захватить всю страну. Автор статьи идентифицирует элементы фольклорной традиции, модулирующие образы крыс и помогающие ввести в текст элементы чудесного, необычайного. Анализ текста показывает, что рассказ содержит высокий процент автобиографических данных: автор воспроизводит в сцене знакомства главных героев историю собственного знакомства со своей второй женой, совпадают дата начала рассказа и дата приезда А. Грина в Петроград и т. д. В «Крысолове» также выявляются признаки «Петербургского текста»: наличие образа города, который приближается к самостоятельному персонажу, специфической суггестивной атмосферы, сформированной мышлением героя-горожанина, традиции изображения Невского проспекта как inferнального локуса. Делается вывод о том, что рассказ только частично относится к городскому фэнтези, т. к. фантастические события изображаются с применением приема «двойной мотивировки», т. е. могут быть объяснены видениями героя в состоянии болезни. Материалы статьи могут представлять значимость как для исследователей современного отечественного фэнтези, так и для литературоведов, изучающих творчество А. С. Грина.

Ключевые слова: городское фэнтези, поэтика, «Петербургский текст», фантастика, фольклорная сказка.

Александр Грин (псевдоним Александра Степановича Гриневского, 1880 – 1932) – русский писатель-прозаик и поэт, чье творчество критики обычно относят к неоромантизму [Еляси́на 2012, 715].

Сам автор отказывался видеть в своих произведениях фантастику. Так, Ю. Олеша заметил однажды А. Грину, что его мотив летающего человека из «Блещающего мира» чрезвычайно интересен, на что получил ответ: «Это символический роман, а не фантастический! Это вовсе не человек летает, это парение духа!» [Вихров 1980, 30–31]. Тем не менее, А. Грин прекрасно понимал специфику выбранного им жанра, поэтому предъявлял к своему творчеству особо высокие требования: «Так как я пишу вещи необычные, то тем строже, глубже, внимательнее и логичнее я должен придумывать внутренний ход всего» [Варламов 2005, 323].

Произведение А. Грина, находящееся в сфере наших научных интересов, – рассказ «Крысолов», развивающий тему готического рассказа ужаса (можно с уверенностью утверждать, что данная тема возникла в творчестве А. Грина не случайно: известно, что Э.А. По был одним из его любимых писателей и именно у него А. Грин учился стилю и умению особым способом сочетать фантастику и реальность [Вихров 1980, 17]).

Наша статья посвящена выделению особенностей поэтики названного рассказа. В данной ситуации мы обратимся к термину поэтика в его узком значении и будем понимать под ним «систему средств выражения [конкретного] литературного произведения». Таким образом, целью нашего исследования станет «выделение [и систематизация] элементов [гриновского] текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения» [Николюкин 2001, 785]: образного строя, мотивов, специфики сюжета, хронотопа и т. д.

В основе «Крысолова» – средневековая немецкая городская легенда об истребителе крыс, предположительно появившаяся в XVII в. Необходимо, однако, отметить, что А. Грин отнюдь не единственный писатель, обратившийся к данному сюжету. В разное время его использовали братья Гримм в «Старинных сказках», И.В. Гете в «Крысолове», Г. Аполлинер в «Музыканте из Сен-Мерри», Г. Гейне в «Бродячих крысах», М. Цветаева в поэме «Крысолов» [Сафрон 2017, 141].

«Крысолов» А. Грина содержит автобиографические элементы. Во-первых, действие начинается разворачиваться 22 марта 1920 г.

Именно в этот день сам писатель демобилизуется из Красной армии, чтобы вернуться нищим в голодающий Петроград. Во-вторых, основные события имеют место в здании банка, располагавшегося на Фонтанке в непосредственной близости к Дому искусств. Как сообщают авторы посвященных А. Грину воспоминаний, жившие в то время в Доме искусств люди вечерами ходили в банк за бумагой для печей. Поэт и переводчик Всеволод Рождественский вспоминал: «Мы долго бродили при свете захваченного нами огарка, поскользываясь на грудах наваленного всюду бумажного хлама <...> Когда я читаю один из лучших рассказов А.С. Грина «Крысолов», мне всегда вспоминается этот опустевший лабиринт коридоров <...> И я поражаюсь при этом точности гриновского <...> описания» [Рождественский 1962, 327–328].

Характер изображаемых А. Грином фантастических событий, якобы происходящих в Петрограде 1920 г., позволяет нам сделать вывод о том, что перед нами рассказ, обладающий признаками городского фэнтези. А. Грин как представитель неоромантизма идет в русле традиции своих предшественников романтиков, которые, по словам Н. П. Анциферова, «болели Петербургом», «видели в Петербурге самих себя, а не город» [Анциферов 1991, 86]. Действительно, город в рассказе становится не просто фоном, а своеобразным молчаливым персонажем, полноценным участником действия. С этим соглашаются и биографы А. Грина. Так, по словам А.Н. Варламова, «“Крысолов” хорош и силен именно своим петербургским контекстом» [Варламов 2005, 270]. Аналогично и Вера Панова говорит об этом рассказе как о «замыкающем цепь величайших поэтических произведений о старом Петербурге-Петрограде, колдовском городе Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока» [Тарасенко 1979, 51].

Поэтика рассказа определяется мотивом двоемирия: заброшенное здание в центре Петрограда, которое герой сравнивает с лабиринтом, не просто бывший Центральный Банк, но одновременно и место обитания крыс, жаждущих убить всех крысоловов и захватить власть над страной. Вход в здание связан с мотивом скрытого, тайного знания, традиционного для литературы фэнтези: владеющие секретом могут проникнуть в банк без ключа: «потянув ручку, встряхнуть и нажать вверх, тогда обе половинки [дверей] расходились, так как не было шпингалетов» [Грин 1996, 290].

В рассказе представлена традиционная для писателей рубежа XIX–XX вв. антитеза Хаоса и Космоса [Полонский 2008, 11], где

квинтэссенцией Космоса является квартира Крысолова на Васильевском острове, а Хаос выражается, с одной стороны, на субъективном уровне:

- распадом личности героя, вызванным последствиями болезни и голода;
  - утратой нравственных ценностей: герой знакомится с прекрасной незнакомкой, когда оба продают книги из домашней библиотеки;
  - потерей жилья;
- на объективном уровне:
- исторической ситуацией – революцией и ее последствиями [Полонский 2008, 12].

Уточняя дату и место начала повествования, автор, по мнению А.Н. Варламова, бросает таким образом «витиеватую насмешку над актуальной в ту пору “литературой факта”» [Варламов 2005, 257]: «Весной 1920 года, именно в марте, именно 22 числа, – дадим эти жертвы точности, чтобы заплатить за вход в лоно присяжных документалистов, без чего пылливый читатель нашего времени, наверное, будет спрашивать в редакциях – я вышел на рынок. Я вышел на рынок 22 марта и, повторяю, 1920 года. Это был Сенной рынок» [Грин 1996, 287].

Однако, с нашей точки зрения, дело также в том, что А. Грин такими многочисленными повторами и ненужными на первый взгляд уточнениями создаёт максимальный эффект достоверности происходящих событий.

Еще один факт, непосредственно связанный с биографией автора, – знакомство главного героя с девушкой, которая заколола ему воротник собственной булавкой. В своих воспоминаниях Нина Николаевна, вторая супруга писателя, рассказывала, что именно таким образом она познакомилась с будущим мужем: прикрепила ему булавку, когда он торговал академическим пайком [Варламов 2005, 259].

Главный герой следует в полной темноте по территории банка за таинственным женским голосом, который пытается заманить его в место, где он неминуемо сорвется в пропасть. Мотив путешествия-квеста, традиционного для фэнтезийного произведения, в рассказе представлен в трансформированном виде: первоначально скитания героя сначала по домам друзей, а потом по зданию банка носят бес-

смысленный, непоследовательный характер, что, по словам Е.А. Елясиной, является демонстрацией пассивности личности главного героя [Елясиная 2012, 719]. Действительно, герой ослаблен тифом, не имеет ни работы, ни постоянного места жительства, т. е. его образ представлен в русле многовековой отечественной традиции: от фольклорного «героя, не подающего надежд» до гоголевского маленького человека.

Когда же протагонист узнает о грозящей Крысолову и его дочери опасности, его путь получает конкретную конечную цель – спасти людей – и именно в этот момент приобретает черты квеста.

При чтении рассказа невозможно не заметить, что писатель несколько раз использует один и тот же прием: прозаические бытовые реалии вплетаются в сюжет столь неожиданно, что факт их появления становится настоящей фантастикой (речь идет, прежде всего, о внезапно заработавшем телефоне и о неожиданном обнаружении шкафа с деликатесами).

Найдя запасы провизии, герой пытается вспомнить телефон девушки, подарившей ему булавку, чтобы «побаловать ее своим ослепительным открытием» [Грин 1996, 302]. Позабытый телефонный номер ему случайно верно подсказывает телефонистка, и, когда его соединяют, он слышит: «– Это я пробую. Говорю в недействующий (курсив мой – Е.С.) телефон <...> – сказала она, видимо, не ожидая ответа, на всякий случай» [Грин 1996, 304].

Эпизод с телефоном становится связующим звеном в цепи событий, которые все более сгущают мрачную мистическую атмосферу рассказа. Однако мемуаристы утверждают, что мистический звонок имел место в реальной жизни. Так, согласно воспоминаниям Э. Арнольди, он сам рассказал А. Грину о случае с внезапно заработавшим телефонным аппаратом, произошедшем с его знакомым, Яковом Петровичем, жившим в 1918 г. в Петрограде и служившим в Красной армии. Телефон в его квартире не работал, т. к. дом находился вдалеке от стратегически важных объектов. Только однажды аппарат заработал на то время, пока ему звонил непосредственный начальник, комендант Петроградского укрепленного района. Э. Арнольди заметил оживленную реакцию писателя на эту историю: «Знаешь, мне понравился бездействующий телефон, зазвонивший в пустой квартире! <...> Я об этом напишу рассказ» [Варламов 2005, 262–263].

Как уже было отмечено ранее, под пером А. Грина даже такая прозаическая реалия, как еда, окрашивается в фантастические тона.

Действительно, наличие заполненного деликатесами шкафа в здании давно пустующего банка кажется совершенно невероятным и отсылает нас к волшебным сказкам, в которых описывается визит персонажа в богато обставленное жилище, где накрыт стол, но нет ни слуг, ни хозяев. Однако, в отличие от сказок, в анализируемом литературном произведении намек на хозяев имеющихся благ вполне очевиден: это крысы. С крысами в рассказе связан традиционный фольклорный мотив оборотничества [Афанасьева 2007, 197]: крысы меняют звериный облик на человеческий. При этом в банке герой только слышит голоса и видит неясные тени («Из крана капала вода; здесь же висело полотенце с сырыми следами только что вытертых рук. Полотенце еще шевелилось», «множество шагов раздавалось за стеной, глубоко внизу. Я различал голоса» [Грин 1996, 306–309]). Когда же герой вырывается из здания и начинает движение непосредственно по улице, уже встречает существ, внешне совершенно неотличимых от людей.

Мимикрию крыс гриновский герой чувствует подсознательно, отталкивая от себя встречающихся ему по пути до дома Крысолова персонажей. Он не знает, кто перед ним, но чувствует, что они несут угрозу, хотя сначала они вроде бы выглядят так, что вызывают сочувствие или симпатию: «...увидел плачущего хорошенького мальчика лет семи, <...> худенькое тело дрожало, его ножки были в грязи и босы. При всем стремлении моем к месту опасности, я не мог бросить ребенка» [Грин 1996, 311]; «Я уже был на Конногвардейском бульваре, когда был обогнан девушкой <...> Я мгновенно узнал ее силой внутреннего толчка, равного восторгу спасения.

– Сейчас рано, – значительно сказала она <...> Я много думала о наших отношениях. Знайте: я вас люблю» [Грин 1996, 312].

Эти встречи становятся для героя своеобразной инициацией, которую он вынужден пройти по пути к дому возлюбленной, с чем он успешно справляется, угадывая фальшь как в ребенке, так и в девушке: «К моему удивлению, он крепко уцепился за мою руку. <...> Когда я, с внезапным подозрением, рванул прочь руку, <...> уставил он на меня прямой взгляд черных огромных глаз: затем встал и, посмеиваясь, пошел так быстро, что я, вздрогнув, оторопел» [Грин 1996, 310]; «Она смотрела на меня с лицом, готовым дрогнуть от

нетерпения <...> нежность сменилась тупостью, взгляд остро метнулся <...>.

– Нет, ты не обманешь меня <...> Она теперь спит, и я ее разбужу. Прочь, гадина, кто бы ты ни была» [Грин 1996, 312].

С точки зрения сюжетной составляющей встреча с ребенком, а потом с возлюбленной представляет собой пример кумулятивности – традиционного фольклорного приема повторения с последующим нарастанием: герой решает одну задачу, а потом другую – более трудную [Пропп 2001, 79].

Суть происходящего становится очевидной для героя только тогда, когда Крысолов зачитывает ему отрывок из [вымышленной] книги Эрта Эртруса «Кладовая крысиного короля»: «Коварное и мрачное существо это владеет силами человеческого ума <...> В его власти изменять свой вид, являясь, как человек, с руками и ногами <...> Им благоприятствуют мор, голод, война, наводнение и нашествие. Тогда они собираются под знаком таинственных превращений, действуя, как люди <...> едят и пьют довольно и имеют все в изобилии. Золото и серебро есть их любимейшая добыча» [Грин 1996, 315].

Крысы, действующие в голодающем революционном Петрограде, как совершенно справедливо замечает А.Н. Варламов, «важны не сами по себе, а как примета и суть времени» [Варламов 2005, 266].

«Крысолова» также можно рассматривать и в контексте концепта «Петербургский текст» В.Н. Топорова, и в этом случае необходимо упомянуть о его особенности демонстрировать как черты мифа о творении, так и элементы эсхатологического мифа [Калинин 2005, 26], которые проявляются, с одной стороны, в намеке на обретение героем нового дома и создание семьи, с другой стороны, в борьбе самого Крысолова с Освободителем – крысиным предводителем, в случае победы которого опасность будет грозить уже всему Петрограду.

Примечательно, что герой стремится покинуть опасное здание в районе Невского проспекта, чтобы попасть именно на Васильевский остров, который по замыслу Петра I должен был стать «самой регулярной частью регулярного города» [Анциферов 1991, 188], т. е. воплотить собой переход от Хаоса к Порядку. В реальности планы царя не были реализованы: остров оказался воплощением «танатологичности», т. к. на нем расположились кладбища. После Октябрьской революции в банях на 14-ой линии был организован крематорий

рий [Михайловский 1998]. А. Грин, делая Васильевский остров местом спасения и восстановления мира в противоположность inferнальности Невского проспекта, оказывается близок к Н.В. Гоголю [Тюпа 2005, 88], пишущему в петербургских повестях сначала о том, что «Нет ничего лучше Невского проспекта», а далее – что в этом месте «все дышит обманом» [Гоголь 1970, 448]. Следование гоголевской традиции проявляется также и в выборе для изображения в повести холодного времени года [Манн 2005, 200].

Финал «Крысолова» окрашен в светлые тона: герой из пространства обледеневшего Невского проспекта попадает на Васильевский остров, где обретает новый дом и, возможно, новую семью: «Вдруг моему лбу стало тепло от приложенной к нему женской руки <...> Меня пожалели; комната соседней квартиры оказалась на тот же, другой день, в моем полном распоряжении» [Грин 1996, 316–317].

Подобная концовка соответствует канону городского фэнтези: герой на время восстанавливает утраченную миром гармонию, но силы Зла не могут быть полностью уничтожены [Сафрон 2017, 60], подобно тому как человек не может истребить всех крыс. Тем не менее мы определим рассказ в категорию предвестников городского фэнтези, т. к. происходящее с героем может быть объяснено с помощью «двойной мотивировки» [Вацура 1979, 248], т. е. как вмешательством потусторонних сил, так и игрой измученного болезнью и голодом воображения самого персонажа, кроме того, необходимо учитывать и позицию самого писателя, который, как уже было отмечено ранее, заявлял, что его фантастика носит символический характер.

Источники

Грин 1996 – Грин А.С. *Крысолов* // Грин А. С. Сочинения: В 3-х т. М., 1996. Т. 2. С. 283–317.

Рождественский 1962 – Рождественский В. *Страницы жизни. Из литературных воспоминаний*. М., 1962.

Литература

Анциферов 1991 – Анциферов Н.П. «Непостижимый город...» *Душа Петербурга. Петербург Дотоевского. Петербург Пушкина*. СПб., 1991.

Афанасьева 2007 – Афанасьева Е.А. *Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса»* // Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков: итоги и перспективы: Сб. науч. статей по материалам Международной

научной конференции (РГПУ им. А. И. Герцена, 23–24 октября 2006 г.). СПб., 2007. С. 197–201.

Еляси́на 2012 – Еляси́на Е.А. *«Монтажность» композиции рассказа А. Грина «Крысолов»* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2 (3). С. 715–720.

Варламов 2005 – Варламов А.Н. *Александр Грин*. М., 2005.

Вацу́ро 1979 – Вацу́ро В.Э. *Последняя повесть Лермонтова* // Алексеев М.П., Вацу́ро В.Э., Глассе А. М.Ю. Лермонтов: исследования и материалы. Л., 1979. С. 223–252.

Вихров 1980 – Вихров В.С. *Рыцарь мечты* // А.С. Грин. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1980. С. 3–34.

Калинин 2005 – Калинин И. *Петербургский текст как продукт теоретической мифологизации* // Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. (Петербургский сборник. Вып. 4). С. 24–34.

Манн 2005 – Манн Ю.В. *Петербургский и Московский тексты в творчестве Гоголя: принцип дополнительности* // Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. (Петербургский сборник. Вып. 4). С. 193–204.

Михайловский 1998 – Михайловский С. *Крематорий здравомыслия, или Могучий таран для разрушения вековых предрассудков* // Художественный журнал. 1998. № 19–20. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/46/article/895> (дата обращения 29.03.2021).

Николюкин 2001 – Николюкин А.Н. *Поэтика* // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 785–793.

Полонский 2008 – Полонский В.В. *Мифопоэтические аспекты жанровой эволюции в русской литературе конца XIX – начала XX в.: дис... д. филол. н.: 10.01.01; 10.01.08* М., 2008.

Пропп 2001 – Пропп В.Я. *Морфология волшебной сказки*. М., 2001.

Сафрон 2017 – Сафрон Е.А. *Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези* // Филология и человек. Барнаул, 2017. № 3. С. 139–147.

Сафрон 2017 – Сафрон Е.А. *Жанровое своеобразие романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»* // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 57–62.

THE POETICS OF A. GREEN'S STORY “RATCATCHER”

© Safron Elena Aleksandrovna (2021), ORCID: 0000-0002-7752-3403, SPIN-code: 5771-1934, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Russian Federation, 185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33), 00inane@gmail.com

The article presents an analysis of the story by A.S. Green *Ratcatcher*. The study was carried out using motivational, plot analysis. The scientific novelty of the proposed work lies in the specificity of the approach to the work itself: the poetics of the story is analyzed in the context of the urban fantasy. According to the author's hypothesis, the peculiarities of the form of the fantastic manifestation make it possible to consider the *Ratcatcher* as a precursor of urban fantasy. The chronotope of the story is based on the motive of a double world: the abandoned building of the Central Bank in the center of Petrograd center is also a habitat for were rats who dream about the conquering of the whole country. The author of the article identifies the elements of the folklore tradition that modulate the images of rats and introduce the elements of the miraculous, the extraordinary into the text. Analysis of the text shows that the story contains a high percentage of autobiographical data: though the scene where the main protagonists meet, the author reproduces his own story of meeting his second wife, the date of the beginning of the story also coincides with the date of A. Green's arrival in Petrograd, etc. The story also contains some elements of the "Petersburg text": the presence of city image, which sometimes acts as an independent character, a specific suggestive atmosphere formed by the thinking of a hero-city dweller, a tradition of portraying Nevsky Prospekt as an infernal locus. The story only partially refers to urban fantasy, since fantastic events are depicted using the "double motivation" technique, that is, they can be explained by the visions of the hero in a state of illness. The materials of the article can be of significance both for researchers of modern domestic fantasy and for literary scholars studying the work of A.S. Green.

Keywords: urban fantasy, poetics, "Petersburg text", fantasy, folk tale.

References

(Articles from Scientific Journals)

Еляснина 2012 – Elyasina E.A. «*Montazhnost'*» *kompozitsii rasskaza A. Grina «Krysolov»* ["Assembling" of the composition of A. Green's story "Ratcatcher"]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2012, vol. 14, № 2 (3), pp. 715–720. (In Russian).

Михайловский 1998 – Mikhailovskiy S. *Krematoriy zdravomysliya, ili Mогuchiy taran dlya razrusheniya vekovykh predrassudkov* [Crematorium of sanity, or the Mighty battering ram to destroy age-old prejudices]. *Khudozhestvennyy zhurnal*, 1998, № 19–20. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/46/article/895> (accessed 29.03.2021). (In Russian).

Сафрон 2017 – Safron E.A. *Zhanr gorodskoy legendy kak odin iz elementov poetiki gorodskoy fentezi* [The genre of urban legend as one of the elements of the poetics of urban fantasy]. *Filologiya i chelovek*. Barnaul, 2017, № 3, pp. 139–147. (In Russian).

Сафрон 2017 – Safron E.A. *Zhanrovoye svoyeobraziye romana V.V. Orlova «Al'tist Danilov»* [Genre originality of V.V. Orlov's novel “The Violinist Danilov”]. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, № 1, pp. 57–62. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Афанасьева 2007 – Afanas'yeva E.A. *Evolyutsiya skazochnogo geroya v romane Yu. Nikitina «Troye iz lesa»* [Evolution of the fairy-tale hero in the novel by Y. Nikitin “Three from the forest”]. Noveyshaya russkaya literatura rubezha XX–XXI vekov: itogi i perspektivy. Saint Petersburg, 2007, pp. 197–201. (In Russian).

Вацуро 1979 – Vatsuro V.E. *Poslednyaya povest' Lermontova* [Lermontov's last story]. Alekseev M.P., Vatsuro V.E., Glasse A. M. *Yu. Lermontov: issledovaniya i materialy*. Leningrad, 1979, pp. 223–252. (In Russian).

Вихров 1980 – Vikhrov V.S. *Rytsar' mechty* [Knight of Dreams]. A.S. Grin. *Sobraniye sochineniy*: in 6 vol. Vol. 1. Moscow, 1980, pp. 3–34. (In Russian).

Калинин 2005 – Kalinin I. *Peterburgskiy tekst kak produkt teoreticheskoy mifologizatsii* [Petersburg text as a product of theoretical mythologization]. *Sushchestvuyet li Peterburgskiy tekst?* Saint-Petersburg, 2005, pp. 24–34. (In Russian).

Манн 2005 – Mann Yu. V. *Peterburgskiy i Moskovskiy teksty v tvorchestve Gogolya: printsip dopolnitel'nosti* [Petersburg and Moscow texts in the work of Gogol: the principle of complementarity]. *Sushchestvuyet li Peterburgskiy tekst?* Saint-Petersburg, 2005, pp. 193–204. (In Russian).

Николюкин 2001 – Nikolyukin A.N. *Poetika* [Poetics]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moscow, 2001, pp. 785–793. (In Russian).

(Monographs)

Анциферов 1991 – Antsiferov N.P. *«Nepostizhimyy gorod...» Dusha Peterburga. Peterburg Dotoyevskogo. Peterburg Pushkina* [“The Incomprehensible city ...” The soul of St. Petersburg. Petersburg of Dotoevsky. Petersburg of Pushkin]. Saint-Petersburg, 1991. (In Russian).

Варламов 2005 – Varlamov A.N. *Alexander Green*. Moscow, 2005. (In Russian).

Полонский 2008 – Polonskiy V.V. *Mifopoeticheskiye aspekty zhanrovoy evolyutsii v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX v.* [Mythopoetic aspects of genre evolution in Russian literature of the late 19th – early 20th centuries]. PhD. Moscow, 2008. (In Russian).

Пропп 2001 – Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow, 2001. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2021